

Александр Зорич

Конан и Смерть

*Часть сборника
Ничего святого (сборник)*

О Зигфриде

Александр Зорич

Конан и Смерть

«Автор»

2002

Зорич А.

Конан и Смерть / А. Зорич — «Автор», 2002 — (О Зигфриде)

«Поначалу фантастика сторонилась раннего Средневековья, испытывая к нему нечто вроде холодного презрения. Наверное, все дело в том, что имперский Рим, который ему предшествовал, был и краше, и понятней. А высокое Средневековье, которое ему наследовало, – тоньше и изысканней. Трагическое и смутное это время ассоциировалось у писателей-фантастов и читателей фантастики в основном с нечесаными длиннобородыми варварами, приносящими кровавые жертвы Христу, с разобранными на кирпичи античными храмами и полной исторической неразберихой, из которой нелегко вычленишь фигуры, о которых хочется прочесть роман...»

© Зорич А., 2002

© Автор, 2002

Содержание

От автора	5
Конан и Смерть	6
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Александр Зорич

Конан и Смерть

От автора

Поначалу фантастика сторонилась раннего Средневековья, испытывая к нему нечто вроде холодного презрения. Наверное, все дело в том, что имперский Рим, который ему предшествовал, был и краше, и понятней. А высокое Средневековье, которое ему наследовало, – тоньше и изысканней. Трагическое и смутное это время ассоциировалось у писателей-фантастов и читателей фантастики в основном с нечесаными длиннобородыми варварами, приносящими кровавые жертвы Христу, с разобранными на кирпичи античными храмами и полной исторической неразберихой, из которой нелегко вычленишь фигуры, о которых хочется прочесть роман.

Положение кардинально изменилось после того, как дух эпохи, сохраненный величественным германским эпосом и таинственным кельтским фольклором, воспел Дж. Р.Р. Толкин. Жанр фэнтези полюбил раннее Средневековье и сделал его источником своего вдохновения. Наследники Профессора наводнили свои книги персонажами, списанными с Арагорна, Галадриэли, Боромира (то есть – с Сигурда, Гудрун, Хагена, Мерлина, Артура...). Но, хотя дух этой лаконичной и кровавой эпохи и оказался востребован, сама эпоха в своем невымышленном, историческом правдоподобии так и осталась падчерицей фантастической литературы. Попробуйте-ка навскидку назвать пять романов о пятом веке нашей эры! То-то...

Роберт Говард был одним из тех, кто, подобно Толкину, любил в раннем Средневековье скорее дух, нежели букву. Его Конан – попытка создать сильного, живого героя «родом оттуда». Правда, не желая, видимо, возиться с заумными историческими деталями, Говард пошел по сугубо сказочному пути, насытив свой раннесредневековый мир воистину фантастическими народами и силами. Мой рассказ «Конан и Смерть» можно расценивать как попытку художественной полемики с бессмертной эпопеей Говарда. Сообразуясь с историческими фактами, я по мере своих сил попытался воссоздать облик если не «реального», то, скажем, «реально-эпического» Конана, отталкиваясь от тех фактов, что сообщены о нем Говардом.

Конан Говарда поклоняется Митре, и я, следуя логике, сделал его зороастрийцем, то есть последователем древней (и поныне кое-где сохранившейся) персидской религии. Другой персонаж рассказа – это юный королевич Зигфрид (у скандинавов – Сигурд), герой ряда эпических произведений, включая знаменитейшую «Песнь о нибелунгах». Но если в «Нибелунгах» мы видим принца Зигфрида пригожим и искушенным молодым рубахой, то в моем рассказе он еще юн, глуп и стеснителен. Германо-скандинавская культура, в которой воспитан Зигфрид, в корне отличается от персидской, в которую был погружен опытный воин Конан. Темное, устремленное к природе язычество германцев еще не растворилось без следа в христианском учении. А пророчество дракона значит для них не меньше, чем рассказ евангелиста. Магическая правда северной земли, за которой Зигфрид отправляется к Фафниру, выше богословской правды конановских Митры и Ахура-Мазды. Чем закончится встреча мира Говарда с эпико-историческим миром раннего Средневековья? Признаться, этого не знал и я сам, рассказ писался методом «художественной импровизации», и его финал... в общем, увидите.

Конан и Смерть

Через удушливый ельник, стеснивший мощеную дорогу, пробирались двое. Среди этих двоих огромным ростом, богатырским разворотом плеч, солдатской стрижкой а-ля Тиберий и свирепостью лица, не смягченного подлыми благами цивилизации, выделялся тот, кто вышагивал позади.

Это был Конан, варвар из Киммерии.

– А правда, что датчане называют ясень конем Одина?

– Правда.

– А когда они хотят сказать «медведь», говорят «волк пчел»?

– Временами – да.

– А «море»? Они и впрямь говорят «дорога китов»?

– И еще «лебединая дорога».

Заморский король Конан недобро поглядел на нидерландского королевича Зигфрида.

– Не врешь?

– Вы хотите обидеть меня, король Конан. Я никогда не вру.

Последнее было желаемым, но отнюдь не действительным качеством натуры Зигфрида.

Врал он часто, но по малости лет далеко не всегда искусно.

– А как будет «меч»?

– «Меч»? М-м-м... «Жезл Одина».

– Жезл... Клянусь Митрой, это глупо.

– Обычно датчане говорят «меч», «море», «медведь». Это только в песнях у них все называется не по-людски, – попробовал защитить датчан Зигфрид.

– Вдвойне глупо. Называть одно и то же по-разному! Предположим, я убил демона, спас дочь офирского визиря и захожу в харчевню. И там говорю: «Подать мне бочонок с промоканием горла! Да поживее!» А когда разносчик сообразит, что я прошу вина, говорю: «Иди прочь со своим жмыхом поноса!»

Конан расхохотался.

Уа-ха-ха. Пауза. Уа-ха-ха. Пауза. Уа-ха-ха.

– На Гнитайхеде лучше не шуметь, – предупредил Зигфрид.

– Демоны? Эмпугзы? Пикты? Понимаю.

Конан опустил ладонь-лопату на рукоять кинжала.

– И виверны, – добавил Зигфрид.

Ни виверн, ни эмпуз на Гнитайхеде не водилось. О демонах Зигфрид представления имел более чем смутные, а о пиктах не слышал вовсе.

Не принято было на этом острове смеяться, озорничать, повышать голос без нужды – и все тут. Обычная дань уважения. Как в церкви.

– Виверны практически безопасны, – авторитетно заметил Конан.

Потом добавил:

– Но весьма страховидны.

«Не страшнее нас с вами», – подумал Зигфрид.

– Бывает и хуже, – обтекаемо заметил он вслух.

Конан сразу же оживился:

– Мне ли не знать?! Да будет тебе известно, в подземельях Пунта я выдержал схватку с самим Змеем Сах, порождением Хаоса!..

И до самого заката Киммериец уже не давал Зигфриду вставить ни словечка сверх расхожих «ого!», «да ну?», «вот это да!».

* * *

Найти проводника здесь непросто. Батавы Нидерланда суеверны и вместе с тем до смешного бескорыстны. Услуга, которую в Пунте или Офире было бы легко получить за деньги, у этих варваров бесплатна. Но, презрительно отворачиваясь от золота, батавы одновременно отказываются и от дальнейшего общения с чужаком.

К счастью, нидерландская знать наслышана о Конане Киммерийце. Поэтому, когда я, отчаявшись, все-таки решился явиться ко двору короля Зигмунда и смог доказать, что являюсь тем самым легендарным Конаном, мне поднесли хорошую выпивку, сносную закуску и навалились со всех сторон с расспросами.

Когда я изложил свою просьбу, она вызвала удивление, но, хвала Митре, не встретила отказа. Хорошо быть королем, пусть даже и бывшим.

До самого логова Фафнира меня вызвался сопровождать Зигфрид, младший сын короля Зигмунда. Чтобы не обидеть своих гостеприимцев, я сразу согласился, хотя предпочел бы общество валькирии. Но валькирий при нидерландском дворе я не заметил. Еще один повод не доверять «наидостовернейшим историям» о заморских странах. Сулят алмазных джиннов верхом на золотых симургах, а приезжаешь – непочтение к Митре, демонопоклонство, чернокнижие.

Зигфрид – нелюдимый малый лет пятнадцати. Кажется, он меня боготворит. Все время смотрит в рот и ничему не перечит.

Старший брат Зигфрида – редкая сволочь, сразу видно. Одно имя чего стоит – Атаульф! Кукарекульф.

Зигфрида немного жаль. Из всех папашиних земель ему достанется хрен с изюмом. У батавов с этим строго: чтобы не дробилось нажитое ратными трудами королевство, все земли купно с движимым и недвижимым имуществом наследует старший сын. Даже захудалой марки Зигфриду не светит.

Он волен выбирать между куцом списком придворных должностей, карьерой епископа (так здесь называют верховных жрецов) и дальними странствиями. Судя по отрешенности взора, Зигфрид готовится к жречеству.

О Фафнире он знает не больше моего. Или не хочет рассказывать. Последнее маловероятно, поскольку отроки обычно простодушны и сразу же спешат выболтать все, что знают, дабы возвыситься в глазах старших. Особенно столь авторитетных, как я. С другой стороны, он не настолько самодоволен и напыщен, как аристократы Аквилона. Те еще в пеленки мочатся, а их уже распирает чванством, как петухов после случки.

Постараюсь все-таки Зигфрида спровоцировать.

– У вас в стране об этом не принято говорить, но Фафнир время от времени требует человеческих жертвоприношений.

– Откуда вам это известно?

– Слышал от одного знакомого дракона.

По лицу Зигфрида видно, что он не верит.

– Вероятно, тот дракон хотел очернить своего единоплеменника. Если бы Фафнир требовал жертв, кто предоставил бы ему убежище?

Это что-то новое – насчет убежища. Главное, не подавать виду, что ему удалось меня удивить.

– Ха, убежище! Уверен – это никакое не убежище. Фафнира держат здесь, на Гнитайхеде, про запас. Приберегают либо для войны, либо для теургии. Либо для чего похуже. Мы друг друга отлично понимаем, Зигфрид, ведь так?

Удивительное дело: малец растерялся! Покраснел. Смотрит в сторону. Что-то я нащупал – чего мне, чужаку, знать не положено...

Правильно я сделал, что оставил свою шайку и махнул сюда, на Край Земли. Только здесь и осталось еще место настоящему подвигу.

– Это верно, – отвечает тут Зигфрид, собравшись. – Вы, король Конан, очень проницательны. И потому мне придется просить Фафнира взять с вас особую клятву никогда и ни с кем не делиться вашими подозрениями.

И тут я снова смотрю на гаденыша и вижу, что от маленького варвара немного осталось. Будто сам владыка времени Зерван снизошел в эту глушь и вылепил нового Зигфрида взамен прежнего. Статный, спокойный и страшный – такой, сдается, далеко пойдет. И отнюдь не в епископы.

Два дня восхождения на хребет Глербьёрг предоставили Зигфриду возможность наглядеться на заморского гостя вволю.

За пояс Конана, изготовленный из дивной, вероятно, линдвурмовой кожи, был заткнут длинный кинжал с костяной рукоятью. Меч варвара имел такие невероятные габариты, что в поясных ножнах ему делать было нечего – они волочились бы по земле, оставляя корявый след. Поэтому Конан носил меч на плече, обмотав его сафьяном.

Самыми броскими предметами королевского туалета были шелковые шаровары – некогда, вероятно, роскошные – и чудные кожаные туфли с загнутыми кверху носками. За спиной Конан тащил мешок с пожитками, которые, по его словам, были представлены «амулетами, талисманами и ядами». Однако каждое утро и каждый вечер вместо амулетов и талисманов варвар доставал из мешка большое зеркало из полированной бронзы и замечательный бритвенный ножичек. Побрившись, он притирался мазями из двух склянок и молился на тарабарском языке неведомым Зигфриду богам.

В лицо, шею, руки Киммерийца глубоко въелся невыводимый загар. При этом его торс и плечи, скрытые под рубахой и кольчугой, загорели куда слабее. Это выяснилось, когда они ополоснулись в горном водопаде уже под самым гребнем Глербьёрга.

Через час после купания они поднялись на лысый гребень хребта. Ели здесь уже не росли. Только трава и кустики анемичной брусники.

Долина у подножия была подернута дымкой. Лес, оставшийся у них за спиной, не смог выбраться наверх, не смог он и спуститься в долину. Кое-где на северном склоне виднелись прозрачные рощи – и все.

Мощенная дорога уходила влево, забираясь все выше по гребню Глербьёрга. От нее отщеплялись две тропы. Одна вела вниз, в долину, вторая – направо, в развалы серых валунов. Прямо перед Зигфридом и Конаном торчал придорожный камень, исписанный красивыми рунами.

– Не умеете читать руны?

– Не умею.

– То-то же. А я умею. Написано на камне вот что: «Налево пойдешь – забвение найдешь. Направо пойдешь – смерть найдешь. А прямо пойдешь...»

Зигфрид наморщил лоб, припоминая перевод. На самом деле руны он еще читать не научился.

– «А прямо пойдешь...»

– Не важно, – оборвал его варвар. – Пойдем, что ли, направо? Наверняка «смерть найдешь» – это про вашего Фафнира.

– Плетью косу правите, король Конан. Ни в коем случае нельзя нам направо. Там действительно Смерть. Настоящая. Кто ходил налево – о тех ничего не известно. А кто направо – тех потом встречали. Только не их самих, а призраков. Понимаете? Налево – забвение, направо – Смерть.

– Чего ж тут не понять.

– Ну вот. Поэтому нам прямо – вниз, в долину. Вам повезло: приди вы к нам весной или в начале лета, никто не вызвался бы вести вас к Фафниру. Опасно, можно сгинуть без следа. Топи.

– Хорошо, хорошо. Тогда ясно, что на твоём камне написано: «Прямо пойдешь – Фафнира найдешь». Так?

– Так.

Зигфрид через силу кивнул. Он вспомнил, что гласили руны: «Прямо пойдешь – могилу дурака найдешь».

Королевич показал себя хорошим ходоком: мы почти сбежали с горы, причем ему даже удалось вырваться вперед. Потом мы пересекли топи. Действительно, коварные. Тропа потерялась, но Зигфрид безошибочно чувал, куда нужно ступать. Мои щиколотки остались сухими.

Стало ясно, что малец здесь бывал и раньше. Когда я спросил его прямо, он неохотно ответил, что да, бывал. Вместе с отцом. Но тогда он был совсем еще ребенок, а потому к Фафниру его не пустили. Сегодня он впервые встречается с мудрым змеем, задаст ему вопросы и утолит свою жажду истины.

«Как и вы, король Конан», – гордо добавил Зигфрид. Гордость королевича была вполне объяснима: факт совместного путешествия к дракону как бы ставил его вровень со мной.

Да уж, будут тебе вопросы. Если там, в логове, вообще кто-то есть, этот кто-то едва ли рад своей незавидной доле – утолять отроческую «жажду истины». Варвары не отягощены пустым чадолюбием, а потому легко представить, что папаша твой Зигмунд загодя сговорился с Фафниром. Продал ему твою душу, а когда я подвернулся – решил воспользоваться удобным случаем и заплатить Фафниру по счетам, да еще с прибавкой в виде сытного Киммерийца.

Как дневной свет ясно: не станет дракон, порождение Ангра-Манью, прохладиться в логовище без своего интереса. А какие интересы у порождений Ангра-Манью, мы знаем... Да только не на того напали!

За топиями снова началась чаща. Поганая, заваленная буреломом и очень сырая. Тропа поднялась вверх, петляя между камнями вдоль ручья, и наконец вывела нас из леса под открытое небо.

Мы остановились на краю просторной поляны. В ста шагах перед нами темнела широкая скальная стена. Задрав голову, я убедился, что ее верхний край теряется в сгустившихся тучах.

Удивительно – с вершины хребта, глядя через долину, я не видел ничего, похожего на этого каменного исполина. Я приободрился: место, значит, колдовское. Не жаль будет потраченного времени.

У подножия скалы, примерно в футе над поляной, краснела обильно сдобренная ржавчиной железная дверь – огромная, шириной в три телеги. Ни петель, ни запоров я не приметил.

– Как величают ваш меч?

Зигфрид говорил тихо-тихо. Видать, боялся дракона. Боялся, несмотря на то, что находился под моей защитой. Да он сам не верил, что получит ответы на свои вопросы! Не верил небось даже в то, что ему вообще представится возможность эти вопросы задать!

– Чего?

– Имя. У вашего меча есть имя?

– Зачем?

– Надо же как-то к нему обращаться!

– А надо?

Тут я вспомнил, что у этих варваров такой обычай: молиться своему оружию. Воистину нет ничего безбожнее – поклоняться железу, которое всечасно оскверняется нечистой кровью

врагов и гадов. Но это гиблое дело: разубеждать людей в заблуждениях, унаследованных ими от пращуров.

– Надо, – тем временем ответил Зигфрид. – Имя моего меча, например, Грам.

Мне не оставалось ничего другого, как припомнить первое подходящее местное слово.

– А моего – Ридиль.

– Что же вы сразу не сказали?

– Не люблю такие вещи попусту выбалтывать. Но коль уж ты имя своего назвал, то и я называю.

– Хорошо. Дайте, пожалуйста, Ридиль сюда. Мне нужно с ним поговорить.

Предельная серьезность королевича к глумлению не располагала. Я размотал сафьян и протянул Зигфриду свой меч, который – да-да! – отныне зовут Ридилем.

Зигфрид аж крикнул. Ясно, к таким игрушкам королевич не привык. Его собственный меч едва ли превосходил весом и длиной мой кинжал.

Кое-как взгромоздив Ридиль на плечо, Зигфрид отошел в сторонку, под древний ясень. Там он воткнул оба меча – и мой, и свой – в землю.

Королевич опустил на колено, молитвенно сложил руки и принялся бормотать. Пытался небось их на разговор вызвать – наши мечи. Умора!

Пора было и мне о деле подумать. Я достал из мешка шангарское ожерелье из черных коробочек убой-мака и ладанку с засушенным ухом аграпурского колдуна Иовамбе. Ладанку вместе с ожерельем я надел на шею, а на указательный палец – перстень Эфирного Паука.

Подумал немного – и забросил мешок обратно за спину. Мало ли что? Конечно, без поклажи за спиной с драконом толковать сподручнее, но о вездесущем ворье забывать нельзя. Безлюдье здешних мест не должно усыплять мою бдительность. Воруют ведь не только люди. Те же виверны, например...

Зигфрид продолжал свои беседы с Грамом и Ридилем. Мечи, однако, не отвечали ему ни звоном, ни даже самым тихим писком.

А вот *меня* услышат – потому что я знаю, к кому и как обратиться. Я повернулся лицом на восток и прочел из «Михр-Яшт» слова, которые некогда приносили мне победу над целыми странами:

Мы почитаем Митру...
Он битву начинает,
Выстаивая в битве,
Выстаивая в битве,
Ломает войска строй;
И все края волнуются
На бой идущих войск,
Трепещет середина
У войска кровожадного;

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.